

Лавр направлялся в кабинет, на ходу разглядывая только что доставленные пригласительные. Поверх плотной бумаги молочного цвета шли золотые узоры, а посередине красными чернилами была выделена основная информация. Оставалось только подписать конкретные имена. Большой палец скользнул по золотым линиям. Местами слой был толще и рельефнее, а где-то совсем тонкий. Именно за эти неровности и было уплачено так много, ведь ручная работа не бывает идеальной.

Пригласительные, по-хорошему, надо было разослать еще неделю назад, но он забил и оставил все на последний момент. Из-за этого художнику пришлось не спать трое суток, а Лавру выслушивать лекцию от Радима, которая вроде и была изначально про безответственность, но плавно перетекла в буллинг от близнецов за участвовавший флирт с женами из высоких домов.

На самом деле было даже забавно. Лавр вдоволь позакатывал глаза, пока Радим метался указательным пальцем между «главным развратником княжества» и Яром, выуживая из того поддакивания на свои самые драматичные пассажи. Сошлись в итоге на том, что предьява максимально абсурдная. В особенности к отвечающему за досуг в отеле. Ну в самом деле, будто не трахали втроем тех самых отфлиртованных жен, которым палец в рот не клади, а дай урвать кусочек крепкого молодого тела.

Мужчина оторвался от стопки и запустил пальцы в длинные пряди, что намотались на цепочку и теперь неприятно тянули. Дернув посильнее, он прищемил кожу на шее серебряными звеньями и поморщился. Его томило раздражение. Лавру предстояло просидеть целый день с пером в руке, заполняя чертовы пригласительные. А после еще найти курьера, которому можно доверить доставку.

До кабинета оставалось шагов пять. Мысленно прокрутив в голове расписание, Лавр попытался вспомнить, кто сегодня на смене — и почти поравнялся с комнатой персонала, когда дверь резко распахнулась. Он затормозил, но скорее от неожиданности, чем от страха травмироваться. Благо коридор позволял разойтись без нежелательных сотрясений мозга и сломанных носов.

Из проема выскочил Елисей. По совершенно непонятным причинам в форме. Брови мужчины взметнулись вверх, и только он вознамерился поинтересоваться «какого лешего», как его боднули плечом, даже не оторвав светлой макушки от телефона. Курьер бросил тихое «извините» и уже шагнул дальше, но Лавр перехватил того за локоть, чем заставил таки обратить на себя нахмуренное личико.

«Какие мы серьезные и сердитые» — мысленно умилился мужчина. Возмущение, готовое сорваться с юношеских губ, сменилось растерянностью, когда они встретились глазами.

— Ой... Здравствуй, — Елисей выдавил из себя подобие дежурной улыбки, не отрывая растерянного взгляда от багряных радужек. — Я немного спешу, можно я...

Лавр не дал ему закончить. Развернул, надавил на плечи, и подтолкнул в сторону своего кабинета. Елисей продолжал что-то лепетать про заказы и необходимость попасть в зал ресторана сию же секунду, пока его аккуратно заводили в кабинет, не выказывая никакого интереса к его спешке. Внутри Лавр отпустил парня и закрыл за ними дверь.

— Ну и какими судьбами? М? — рука соскользнула с позолоченной ручки, он прошел к столу и бросил на полированную поверхность стопку приглашений. — У тебя же сегодня выходной.

— Взял дополнительную смену. Оказалось, что Аркаша захворал и с радостью поменялся со мной, — парень говорил твердо, но уже подтянул курьерский рюкзак к груди, обхватив его руками, как щит.

Его взгляд метался под густыми ресницами — он смотрел в окно, на разметавшуюся стопку, себе под ноги, куда угодно, но не в лицо Лавру, который не переставал изучать его. Смотрел и видел, как юноша сдает себя каждым движением. Его нервозность была почти осязаемой, и догадка, возникшая в голове Лавра вдруг принесла с собой странное раздражение. Он шагнул ближе, оттеснив Елисея к стене.

— Что за порыв альтруизма? У тебя итак больше всех рабочих часов в неделю, — Лавр остановился вплотную и провел носом по золотому торчащему локону, ощутив щекотку. — Денег не хватает? Мог бы и попросить.

Он прикусил язык. Последнее явно было лишним, но к его удивлению никакой драматичной сцены из-за уязвленной гордости не последовало, зато на него наконец посмотрели. А точнее, гневно зыркнули. Захотелось уколоть сильнее, чтобы тот раскраснелся и потерял остатки самообладания.

— Или сегодня у нас завтракает вся богатырская братия, а я и не в курсе? — усмехнулся Лавр.

Он чуть отодвинулся, чтобы видеть лицо парня целиком и насладиться реакцией. Елисей моргнул, переваривая повисший в воздухе вопрос. А потом резко выпрямился, кажется, даже на цыпочки привстал, чтобы казаться выше и шагнул ближе, упиравшись носком кеда в кожаный ботинок. Рюкзак, который он до этого прижимал к груди, повис у него на правой руке.

Лавр чуть не поперхнулся воздухом от восторга, когда синие горящие глаза требовательно посмотрели в упор, норовя утопить в этом океане. А может он и сам хотел утопиться. Но нельзя, не ради него же на смену вдруг выскочили.

— Дело вообще не в этом и я понятие не имею кто там у вас завтракает, — отчеканил Елисей, лишь слегка дрогнув голосом. — А деньги обычно зарабатывают. Этим я и планирую заняться, ясно?

— Ясно. Ты только не гневайся, золотая рыбка, — пропел Лавр, любуясь веснушками и вкушая свирепый выпад своего ангелочка. — А то я начинаю заводиться.

В эту секунду Лавр был готов наплевать на их негласные правила держать на работе дистанцию и разложить мальчика прямо на сраных приглашениях.

Блять.

Которые, к слову, уже пора начать заполнять.

Елисей, до этого державший планку в их игре в гляделки, начал сдавать позиции. Очередная порция откровенности от работодателя заставила его смутиться, и он отступил, унося с собой синеву. Будто боялся, что Лавр высмотрит все до дна. Спрятал ее под защиту густых ресниц от разбушевавшегося пламени, готового сорваться с поводка контроля.

— Я и не гневался, — обиженно пробубнил Елисей. — Просто можно не упоминать...

— Да, да, никаких предложений денег, разговоров про возлюбленных и домогательств на рабочем месте, — Лавр дождался скромную улыбку и потянулся рукой, чтобы коснуться румяной щеки. Ему даже показалось, будто Елисей подставился под прикосновение. — Эй, точно все нормально?

Курьер лишь утвердительно кивнул, отставляя рюкзак в сторону, и подошел к столу.

Лавр проводил его взглядом, мысленно умиряя огонь внутри. Хотелось дернуться, схватить за подбородок и заставить поднять глаза снова. Но он не мог этого сделать, потому что не имел такого права. Но остро ощутив желание как-то заслужить его, он испугался. Видимо этот затянувшийся харассмент надо либо заканчивать, либо...

О сие открытии следовало подумать в другое время, желательно одному, а не когда Елисей, разглядывая приглашения с почти детским любопытством, трогает языком щеку изнутри. Искренность эмоций парня будоражила не меньше, чем ангельское личико и показательная неприступность.

— Это для закрытого аукциона? — спросил он, обернувшись на Лавра. — Красивые.

Вслед за странными мыслями, пришло не менее странное решение.

— Да, — Лавр шагнул к столу, вытащил из стопки одно приглашение и на секунду замер, переваривая свой порыв. А затем, почти не веря в то, что делает, протянул бумажку курьеру. — Держи, это тебе.

Дождавшись когда Елисей аккуратно возьмет его, он присел на край стола рядом и сам взял из стопки одно приглашение. Покрутил, глянул на то, что в руках у парня, и начал будто между делом:

— Их рисовал один художник из Твери, который еще при Святославе начинал. Руки у него золотые, — он хмыкнул. — Хоть и трясутся уже от старости. Оттого каждый рисунок со своим характером вышел. Впечатляет, да?

Лавр поднес свое приглашение к тому, что держал Елисей и усмехнулся, глядя, как тот переводит взгляд с одного на другой.

— Видишь, что оттенок красного тоже разнится? Старик и чернила сам замешивает. Даже киноварь¹ вручную изводит в порошок, а не готовый закупает.

Он чуть помедлил, наблюдая, как пальцы Елисея повторяют узор, и добавил:

— Золото тоже настоящее, — положив одно приглашение обратно в стопку, он откинулся на столе. — Так что считай, у тебя в руках единственный экземпляр на свете.

— Невероятно, но... Как понять мне, — Елисей поднял глаза, в них читалось замешательство. — Я должен его доставить?

Лавр пожал плечами, чуть наклоняя голову.

— Ты должен прийти, — сказал он спокойно. — Разве не интересно, как глупо пустеют боярские карманы, что людским потом шиты?

Елисей посмотрел на Лавра так, будто тот предложил ему прогуляться по дну реки.

— Ты шутишь? Что я там буду делать? Я даже не знаю, как себя вести с этими людьми. Да и... — он осекся и аккуратно положил свое приглашение на стол. — У меня даже костюма нет нормального.

Лавр тяжело выдохнул сквозь зубы. Поднялся со стола и подхватил приглашение, которое парень только что положил.

— Мне нужно заполнить все эти бумажки, а тебе доставить. Так что придется задержаться сегодня, мой золотой, — отчеканил Лавр, не скрывая раздражения. — Получишь сверхурочные и купишь костюм. Вопросы?

Он макнул перо в чернильницу, вывел имя и, предварительно подув на свежую надпись, сунул лист обратно в руку Елисея. Тот даже не успел опомниться.

— И кстати, там будет Добрыня. Видел его пару раз в смокинге — занятное зрелище, — Лавр криво усмехнулся. — Может, выйдет попытать судьбу еще раз с наставничеством, пока он под хмелем.

Про то, что Добрыня почти наверняка припрется с Настасьей под руку, Лавр решил не упоминать.

Елисей нахмурился и помотал головой, словно пытался стряхнуть наваждение:

— Но я все равно не понимаю...

Мужчина набрал в грудь побольше воздуха, но все таки сдался.

— Иди сюда.

Мусолить эту тему дальше он не хотел. Елисей не дурак, и эта его игра в скромность и сомнения перед вожаемой встречей *не с Лавром* только натягивала струну раздражения. Он схватил парня за ворот футболки и рванул на себя так, что тот ударился о его грудь, а зубы клацнули, когда их губы столкнулись.

Лавр вжал его в себя и почувствовал, что тот на секунду застыл, растерянно выдыхая прямо в его рот. Его руки уперлись в плечи мужчины, будто собирались оттолкнуть, но сам он подался вперед. Впиваясь в приоткрытые губы, Лавр ощутил, как пружина напряжения, что он в себе закрутил, отпускает, и остается только пульс в висках, а на губах чужая влага.

В этот момент дверь кабинета распахнулась.

Вошел Радим и, не поднимая головы от бумаг, деловито спросил:

— Лавр, ты тут?

Они отпрянули друг от друга в долю секунды. Елисей был весь красный, со сбитым дыханием, а на лице у него было буквально написано: мы тут вообще ни разу не целовались. Сам Лавр сидел с каменным лицом. Только сердце колотилось, как после хорошего мордобоя.

Елисей резко подхватил рюкзак и почти вылетел из кабинета, прошмыгнув мимо Радима с еле слышным «Доброе утро». Радим проводил его задумчивым взглядом, слегка приподняв брови, и ответил уже в пустоту:

— Доброе..., — потом перевел взгляд на Лавра, и в глазах его мелькнуло понимание. Брови поползли еще выше, вопросительно и красноречиво.

Лавр выдержал его взгляд все с тем же булыжником вместо лица. А затем развернулся и принялся складывать стопку приглашений, стуча ей по столу, чтобы выровнять. Радим, едва сдерживающий любопытство, продолжал сверлить его спину, выжидая, когда жертва дрогнет. Его вопрос уже висел в воздухе, но Лавр старательно делал вид, что его это ни капли не заботит.

Сложив приглашения, он, нарочито спокойно, уселся за стол, достал из ящика список гостей и начал заполнять приглашения. Перо скользило по бумаге, выводя имена каллиграфическим почерком, когда тишину разрезал голос:

— Так это его...

— Нет, — не поднимая глаз, попытался перебить Лавр.

Но Радим закончил, чуть понизив громкость:

— ...ты трахаешь, шкерясь по углам?

Лавр проигнорировал законченную фразу, продолжая выводить буквы. Его нахальный близнец подошел ближе, положил свои бумаги на переговорный стол, который отводился от рабочего, и уже утвердительно, без вопросительной интонации, продолжил:

— Трахаешь.

— Нет, — сухо ответил Лавр, не отрываясь от приглашений. — А у тебя большая фантазия.

— Вообще нет?

— Вообще нет

— Мм. А что вы тут делали?

Радим чуть нагнулся и заправил стриженные под каре волосы за ухо, пытаясь заглянуть в лицо Лавру.

— Попросил его задержаться сегодня, чтобы доставить все приглашения, — ответил Лавр и наконец поднял глаза на Радима, откладывая перо. — Ты меня искал? Зачем?

Ловко запрыгнув на дубовую поверхность, Радим перегнулся через лампаду и взял отложенное перо. Устроив бумаги на коленке, он начал их подписывать одну за одной, и только край губ дрогнул, выдавая едва сдерживаемую улыбку. Но голос, когда он заговорил, был спокоен и небрежен.

— Там девушка к тебе пришла на собеседование.

Лавр нахмурился:

— На какое? Мы разве кого-то ищем?

— Нет, — ответил Радим, макнув перо в чернильницу и многозначительно глянув на брата. — Она от Услады. Хочет у нас работать.

До Лавра дошло — девушка метит в ряды блудниц при отеле. «Горыныч» славился приятными условиями для торговщиц телом. Комфортные графики, регулярный прием у лекаря, полный соц-пакет и защита от неадекватных клиентов. На работой мечты это все равно не назовешь.

— Да почему девицы одни идут? — Лавр откинулся в кресле и размеренно выдал. — Пацанов бы желающих найти. Вот их дефицит.

Радим усмехнулся:

— Ну перевелись отроки с особыми наклонностями в княжестве, что поделать.

— Да черт с ними, особыми наклонностями, — Лавр неохотно поднялся с места. — Дам со своими желаниями и деньгами тоже хватает. Их надо как-то развлекать и удовлетворять.

— Ой, да ты и сам неплохо справляешься обычно, — заметил Радим, хитро глянув на брата.

Лавр ответил наигранным смехом:

— Ха-ха. Пойду попробую отговорить ее.

В спину ему донеслось уже серьезнее:

— Откажешь — она пойдет к Колывану.

— Это уже ее выбор, — ответил Лавр, на секунду остановившись в проеме.

WOODJU — empty spaces

Алеша сидел на пассажирском сидении, пожевывая щеки с внутренней стороны, и весь его вид кричал о вселенской несправедливости. Откинувшись на спинку, он сложил руки на груди и уставился в тонированное стекло со своей стороны. В нем отражался его собственный помятый и уставший силуэт, и он рассматривал его с ленивым отвращением. Плечо начинало ныть, а голова гудела после утренних впечатлений.

Рядом с его отражением маячил профиль Добрыни с отработанными годами похермордой. Алеша перевел взгляд и стал разглядывать брата, а не свою обиженную физиономию. Добрыня со всей сосредоточенностью вел машину, одной рукой держа руль, а другой подпирая голову в районе переносицы.

«Как дела дома?» — хотел бы спросить Алеша, но губы сжались сами собой, запечатывая этот простой вопрос внутри. Может, дело в обиде на собственную бесполезность, и что теперь он вынужден ехать как нашкодивший щенок оправдываться и не мешать «взрослым» решать проблемы. А может, его останавливал страх, ведь он не знает, имеет ли еще право называть «Ладью» домом.

Пока парень отогнал от себя неприятные мысли и сосредоточился на единственном, что не вызывало сомнений и раздрая, а именно на остром желании получить дозу никотина, Добрыня бросил взгляд вбок, наткнувшись на брата в отражении стекла.

— Ну? — спросил он в итоге коротко, давая улыбку.

Алеша так и продолжал следить за ним, скрываясь за возможностью смотреть не на прямую, и не понимал чего он тут радуется.

— Я не знаю, с чего начать, — буркнул Алеша, мотнув головой.

— Начни с того, зачем ты, блять, вообще сбежал, — машина вильнула в сторону, выходя на обгон. — Еще и Глеба...

Алеша повернул голову и зыркнул на брата, отчего тот не стал договаривать.

— Почему Глеб едет не с нами?

Добрыня перехватил руль другой рукой и нажал кнопку блокировки дверей, после чего ответил:

— Потому что это измена. Его ждет допрос.

— Допрос? — Алеша подскочил и весь подался вперед, впиваясь взглядом в Добрыню. — Может, еще пытаться его будем? Или что, закупили исповедную воду для такого случая?

Он дернулся и резко стукнул тыльной частью кулака по стеклу, и сразу прижал ладонь к повязке, зашипев от боли. Ткань уже пропиталась кровью и стала твердой на ощупь.

Алеша пытался пробить этот кирпич вместо лица, продолжая сверлить брата взглядом, но тщетно. За окнами начали проплывать редкие дома и лавки окраины Киева.

— Может, и тебе на допрос прогуляться? — процедил Алеша. — Ты же меня, сука, отпустил тогда. В отеле. Тоже выходит изменник? Или тебе дозволено?

— То, что сделал Глеб, известно всем, — почти зарычал Добрыня, дернув рулем, от чего машина на долю секунды выехала со своей полосы.

Выровнив ее, он продолжил уже спокойнее:

— Как, по-твоему, мы должны вас встретить? С хлебом и солью? Тогда завтра каждый будет думать, что можно вытворить подобное и остаться безнаказанным. Лучшее, что ты можешь сейчас для Глеба сделать — это не вмешиваться.

Алеша было открыл рот, чтобы что-то ответить, но припечатанный такой очевидной правдой, сдулся, как проколотый шар. Он снова отвернулся к окну и начал похлопывать себя по карманам, надеясь найти сигареты, но нащупал только смятую записку от Змея и свой телефон.

— Черт, — выдохнул он, стукнув головой о стекло, которая тут же воспроизвела в сознании темные глаза с расплавленной по радужке черничной синевой.

Добрыня молча наклонился вбок, открыл бардачок и достал закрытую пачку, бросив ту Алеше на колени.

— Прекрати пытаться сломать бронированное стекло разными частями тела, — сказал он. — Ты и так уже заработал себе поход к Моисею, лучше не добавлять новых увечий.

Алеша фыркнул, вспоминая их личного лекаря тире мастера пыточных дел, вытащил сигарету, прикурил и блаженно затянулся, обжигая легкие как можно сильнее.

— Кто будет допрашивать? — спросил он тихо, глядя как открытое на ширину ладони окно, потянуло наружу белый дым, который тут же растворился в утреннем воздухе.

— Илья, — ответил Добрыня. — Детали вашего randevu не для всякого уха. Пока что.

Алеша кивнул. Машина выехала на широкую центральную дорогу Киева. За окном, знакомыми домами, улицами и вывесками тянулся город, в котором Алеша провел, можно сказать, лучшие годы, в котором вырос, который защищал, и в который сейчас возвращается как предатель и вор. Впереди его ждут часы позора в попытках доказать свою непричастность.

Парень достал телефон и спешно открыл чат с Елисеєм. Пальцы замерли над последним скупым «я постараюсь». Еще в порту, сев в машину к Добрыне, он сразу написал курьеру с просьбой разузнать с кем у Змея ты самая встреча, которую он называл важной. Если она все таки состоялась, конечно. Алеша помедлил, а потом все таки набрал: «Есть новости?» и, не дожидаясь ответа, убрал телефон обратно.

— Эй.

Негромкий голос Добрыни выдернул его из мыслей. Он медленно повернулся, ожидая увидеть привычную в последнее время строгость и упрек, но взор серых глаз, скользящих то и дело к дороге, смягчился. В них было столько нежности и заботы, что парень в миг осознал простую вещь: его дом никогда не был местом. Алеша сглотнул, не разрывая зрительного контакта, но кручина в сердце немного утихла.

— Мы чуть с ума не сошли, — вдруг сказал Добрыня тихо. — Ты просто исчез. Я надеялся... думал, хотя бы мне ты сообщишь, где ты, что все хорошо. Блять...

Он замолчал. Повел плечами, словно сбрасывал рвущийся поток слов:

— Ну хотя бы Глеб был с тобой.

В глазах неприятно защипало, но Алеша не стал отворачиваться, только зажмурился на секунду. Прикусив губу, чтобы сказать не дрогнувшим голосом, он тихо ответил:

— Без него с ума сошел бы я.

— ...я понял. После давай сразу сюда. Будем все вместе думать, решать.

Услышав короткое «Да» от Ильи, Владимир сбросил звонок и выдохнул с таким желанным и непередаваемым облегчением. Нашелся. Живой, дурак малолетний. Сердце забилось быстрее, и князь прикрыл глаза на секунду, давая себе время осознать.

Гнев, который копился в нем все эти дни, смешался с радостью, и желание наорать на паршивца притупилось желанием крепко обнять. И разобраться наконец, что за чертовщина вообще произошла. Он провел ладонью по заросшей челюсти, ощущая, как глубокая усталость, которую он игнорировал, наконец дает о себе знать.

Владимир поднялся, обошел стол и остановился у окна, глядя на зевающих бойцов, рассыпанных по территории. Он вспомнил, как много лет назад стоял здесь впервые, потеряв одну власть, готовый заполучить другую. Тогда он думал, что одиночество — это плата за данное себе право вершить судьбы. Что придется все тащить на себе, никому не доверять и не создавать врагам лишние козыри. Так жил его отец и старший брат. Так жили почти все, кого он тогда знал. Лишь Тихон всегда твердил: *«Чем больше людей ты вступишь в свое сердце, тем тяжелее и страшнее падать — но тем выше ты сможешь подняться, если они подставят свои плечи»*.

Спустя годы, он понял, что наставник имел ввиду.

Сейчас в кабинете было пусто и Князь чувствовал себя странно в этой тишине. В молодости он ненавидел эту бесконечную череду лиц: советники, посыльные, просители — все хотели его внимания, его времени, его решения. Стоило закрыть одну дверь, как в другую уже ломились с новыми вопросами, и эта круговерть казалась вечной. А потом в его жизнь ворвался нахальный адвокат, и покой князю так и снился.

И вот она, тишина — получите, распишитесь. Только, какого-то хрена, оказалось, что в ней нечем дышать. Он привык к присутствию Юлия. К его голосу, к его бархатному смеху, к тому, как тот умел читать его мысли без слов. К тому, как он входил без стука, поправлял бумаги на столе и упрекал, цокая языком: «Ты опять не ел».

Он попытался оправдать свою привычку тем, что Юлий был просто удобным инструментом. Что его таланты и связи — это актив, который нельзя терять, а особа он капризная. Но пустота в кабинете, напрямую связанная с пустотой в груди, говорила об обратном.

Владимиру вдруг отчаянно захотелось поделиться новостью с Юлием, разделить с ним радость. Адвокату было далеко не все равно на пацана, и он тоже ждал с замиранием сердца хороших вестей. Алеша значил для него многое, он буквально выцарапал его из лап цыганской династии. А с тех пор как Юлий узнал о прошлом парня, начал следить за его судьбой с особой привязанностью и тревогой. Чего только стоила его выходка на сделке с Бьерном, хотя он ненавидит оружие, предпочитая использовать только свои мозги.

Эта новость могла растопить лед между ними. Владимир прикинул. Ну или хотя бы дать повод заговорить не о делах. Князь уже схватил сигареты и двинулся к двери, как на столе зазвонил внутренний телефон. Он раздраженно щелкнул по экрану, не скрывая досады.

— Государь, к вам начальник государственной дружины.

Владимир вздохнул.

— Пусть проходит, — ответил он и, придав лицу привычное выражение невозмутимости, сел в кресло.

Дверь открылась через минуту, и Сиян переступил порог с легкой, уверенной улыбкой и расставленными в стороны руками.

— Владимир, заноза ты моя политическая, — протянул он, подходя к столу. — Сколько лет, сколько зим. Совсем забыл про старого друга? Даже в гости не зовешь выпить.

Князь усмехнулся, приподнялся и пожал его ладонь в ответном приветствии, жестом приглашая присесть в кресло напротив.

— Мы виделись полтора месяца назад, — с легкой укоризной заметил он, усаживаясь обратно. — А ты уже драматизируешь.

Сиян устроился в кресле с комфортом, оглядывая кабинет так, будто видел его впервые. Чуть за пятьдесят — возраст, когда мужчина либо сдается на волю старости и тоскует по молодым временам, либо начинает ценить каждую мелочь и минуту жизни. Сиян, судя по его виду, был из вторых: чуть тронувшая седина на висках, уверенный взгляд и грубоватые черты лица, которые не портили даже морщины, а делали его похожим на умудренного волка, который знает и принимает свое место в этой жизни.

— Куда делся твой итальянский красавец? — спросил он, прищурившись. — Вечно он возле тебя ошивался, а сейчас что-то не вижу. Думал, полюбуюсь на заморские прелести, не на твою же заносчивую морду смотреть все время.

Владимир почувствовал, как что-то дернулось внутри.

— А что, Сиян, — спросил он, чуть приподнимая бровь, — заметался пожар голубой на старости лет? А Агафья что об этом думает?

Сиян запрокинул голову и громко расхохотался — странно, что стекла кабинета не задрожали.

— Ой, Володя, — отсмеявшись, сказал он. — Прожив больше половины жизни, начинаешь видеть красоту независимо от пола. И сдерживающие рамки стираются под

натиском опыта и остатка отведенного времени на этой, вдоль и поперек, грешной земле.

Князь усмехнулся, откинулся на спинку кресла и, чуть покачиваясь, посмотрел на собеседника с игривым прищуром.

— Ну, не судьба, — ответил он. — У этой красоты лишь один господин, и он не согласен, чтобы лучшего юриста в княжестве отвлекали от работы интрижки с пожившими, женатыми воеводами.

Сиян хмыкнул, но промолчал. Потом наклонился чуть вперед, и голос его стал серьезнее.

— Я по делу вообще, Володь.

— Да я понял, — князь тоже подался вперед, опираясь локтями на стол. — Слушаю.

— Последнее время много твоих ребят гуляли по княжеству круглые сутки, — начал воевода, и в голосе его уже не было прежней игривости. — Что-то случилось у вас?

— Надо было кое-кого найти, — уклончиво ответил Владимир. — Но уже все в порядке.

Сиян не отвел взгляда. Он смотрел на князя долго, прищурившись, словно пытался прочитать между строк, а потом все же спросил:

— А что ты за помощью не обратился? Я бы помог.

— Если я и доверяю тебе, — сказал Владимир, и голос его стал тише, — то не могу доверять твоим дружинникам. Сам знаешь, многие из них на подсосу у Вече.

Сиян сжал губы. Лицо его осталось невозмутимым, но в глазах промелькнула тень обиды и горечи. Да, он знал.

— Толковые ребята у меня есть, — сказал он. — Хоть и мало. Им просто не хватает ежовых рукавиц былой закалки. Наставника, который бы вправил им мозги. А я уже стар, чтобы кого-то воспитывать.

Он помолчал, потом снова посмотрел на князя — удрученно, с той самой терпеливой грустью ожидания.

— Я устал. Я давно бы ушел с поста, — продолжил Сиян. — Остаюсь только потому, что у нас с тобой был уговор. Но все затягивается, Володь. Вече ничего не видят, кроме своих набитых карманов. Дали народу то, что те хотели, и плевать им на все остальное. Напади сейчас кто на Киев — хренов два мы выстоим.

Владимир поднялся, подошел к буфету и молча налил два стакана. Протянул один Сияну, усаживаясь обратно.

— Все под контролем, — сказал он. — Пока что.

Сиян принял стакан, но пить не спешил. Покрутил в пальцах, а потом поставил на стол с глухим стуком.

— Кстати, о договоре, — голос его стал жестче. — Ты обещал, что не позволишь всякой швали творить грязь на Руси. А какого тогда хуя по княжеству уже месяц гуляет неизвестный дурман, от которого молодежь с ума сходит и гибнет? *Ты* должен был это контролировать. Я... — Сиян ткнул большим пальцем себе в грудь. — ...закрываю глаза на твои методы, а ты направляешь их в нужное русло. Что у тебя происходит, Володь?

Он замолчал, и тишина в кабинете стала тягучей. Владимир смотрел на него и чувствовал, как внутри поднимается раздражение, или может, усталость от того, что он снова должен оправдываться. Но он понимал, что Сиян прав. И этого было достаточно, чтобы ответить спокойно.

— Знаю, — сказал князь, опустив взгляд на стакан, который держал в руках. — Но не знал, что все приняло такой оборот. Навалилось... всякое.

Он поднял глаза и встретился с ним взглядом.

— Но я выясню, откуда ноги растут. Обещаю.

Сиян смотрел на него еще секунду, потом откинулся на спинку кресла и, тяжело вздохнув, наконец поднял стакан. Сделал глоток. Потом еще один.

— Володь, — сказал он уже мягче, без упрека. — Ты столько раз доказывал мне, что ты не такой, как они. Не давай мне делать лишние выводы, а себе превращаться в того, кто закрывает глаза на то, что творится у него под носом.

Владимир кивнул.

— Я знаю, что ты не можешь мне всего рассказать. Да и не надо мне это знать, — начальник дружины поднялся, допил разом янтарную жидкость и поставил на стол пустой стакан. — Но я готов сдерживать государственных псов, только пока все это работает.

В дверь тихо постучали, когда он сделал шаг к выходу. Сиян махнул князю на прощание: мол, бывай, — и уже отвернулся, как дверь приоткрылась.

Юлий вошел с папкой в руках. Он задержался на пороге, окинул кабинет деловым взглядом и так же деловито спросил:

— Вы заняты, ваше сиятельство?

Владимир привычно задержал взгляд на нем, и как всегда отметил, что замечал уже сотни раз: безупречная линия скул, едва заметная тень над верхней губой, пальцы, которые держали бумаги с особенной аккуратностью, словно это не документы, а дорогой антиквариат. Он снова был безупречен.

Сиян, заметив вошедшего, тут же расплылся в лучезарной улыбке, которая преобразила его жесткое волчье лицо в добродушную маску старого лиса.

— Господин начальник государственной дружины, — пропел Юлий, с той своей особенной интонацией, которая превращала любую банальность в игру. — Какими ветрами вас занесло на территорию самого честного предприятия? Неужели мы какие-то налоги не уплатили?

— Пока здесь *Вы*, — ответил Сиян, склонив голову в легкой иронии. — едва ли я могу хоть в чем-то уличить вашего босса. Но ради встречи с вами готов приходить почаще. Всегда приятно побеседовать с умным человеком за бокалом красного.

Юлий искренне улыбнулся.

— Боюсь, если вы начнете приходить чаще, у моего босса возникнут вопросы о моей лояльности, — ответил он мягко, скосив взгляд в сторону стола. — Но я распоряжусь, чтобы в *моем* кабинете всегда был запас достойного вина.

Сиян хотел ответить, но князь громко прочистил горло. Начальник дружины поднял руки в шутливом жесте капитуляции и двинулся к двери, помедлив на пороге, чтобы проводить взглядом Юлия, который уже направлялся к столу. Взгляд его красноречиво скользнул по фигуре адвоката и задержался на зданице.

— Везучий ты, зараза, — тихо сказал Сиян и вышел, прикрыв за собой дверь.

Юлий, как только за начальником дружины закрылась дверь, снова превратился в образцового делового работника — убрал с лица все прошлые выражения, оставив только маску обиды, которую старательно демонстрировал уже неделю. Подошел к столу, положил перед князем папку и раскрыл ее, опершись на край и слегка нависнув над князем. Говорил он быстро, уткнувшись в документы:

— Я составил новый договор с Бьерном. С новыми условиями. Вам надо прочитать и подписать, если все устраивает.

Князь даже не взглянул на бумаги. Он смотрел на него.

— Ты завтракал?

Юлий вскинул на него быстрый взгляд и тут же отвел.

— Выпил кофе, а что?

Князь откинулся в кресле и сказал с приторно-грустной интонацией:

— А я вот даже его выпить не успел. И есть хочется. Может, составишь...

Но Юлий не дал ему закончить. Сразу нажал на панель внутренней связи и, не глядя на князя, проговорил:

— Мария, радость моя, завари князю кофе. А то у него лапки.

Князь чуть прищурился. Он уже всю голову сломал, как подступиться к этой обиженной цаце. Скрестив руки на груди, он выдал почти как ребенок:

— Я не хочу этот кофе.

Юлий зыркнул на него. Потом, словно раздвигая рамки своей же игры, придвинулся ближе и перешел на «ты», отчего князя даже в пот бросило.

— А какой ты хочешь?

Владимир не разрывал зрительного контакта.

— Твой.

Юлий замер. Вечную секунду они смотрели друг на друга, и Владимир заметил, как дрогнули губы адвоката. Потом Юлий отодвинулся, снова воздвигая между ними стену.

— Я не нанимался, — сказал он.

— А почему тогда всегда заваривал? — Князь наклонился вперед, устроив локти на столе.

— Хотел, — сквозь зубы.

— А сейчас значит не хочешь?

Юлий глубоко вздохнул и, пропустив вопрос мимо ушей, спросил с легким кивком в сторону документов.

— Вы подпишите?

Князь раздраженно схватил перо и, не читая, расписался в конце, пролистав до последней страницы.

— Но... — Юлий поднял глаза. — Вы даже не прочитали.

— Я тебе доверяю, — ответил князь.

Юлий с горечью усмехнулся.

— А вдруг я из вредности написал, что каждую неделю вы обязаны ему ноги массировать?

Князь потрогал языком щеку изнутри, сдерживая улыбку.

— Ну, может, ты и строишь из себя оскорбленную барышню, но ты же не самоубийца.

Юлий приподнял бровь и хитро ухмыльнулся, резко выхватывая папку с подписанным договором из-под рук князя.

— Пообедаем вместе попозже? Есть повод, — предпринял еще одну попытку Владимир.

— И какой же? — Юлий все еще не смотрел на него, перелистывая страницы.

— Добрыня везет Алешу сюда.

Итальянец замер. На его лице промелькнуло неприкрытое облегчение, пусть и не долгое, но князь успел его поймать. Адвокат тут же взял себя в руки и отошел к дивану у окна, взяв со стола недопитый стакан князя.

— Нашелся-таки блудный сын, — проговорил он, усаживаясь и делая глоток.

Князь проводил взглядом его кадык, который дернулся, и сам машинально сглотнул.

— Ты не ответил, — тихо сказал он.

Юлий посмотрел долго куда-то сквозь него. Его ухоженные коготки потсукивали по стакану, словно он взвешивал что-то в голове.

— Я еще не закончил, — сказал он. — Вы помните, мы как-то обсуждали необходимость альянса. Авторитет вы свой здесь заработали, почти все контролируете, но это привлекает больше внимание и увеличивает количество недовольных. Вам нужны хорошие союзники, чтобы иметь прикрытие и связи.

А раньше он говорил «мы» и «нам»... Князь кивнул, с горечью понимая, что Юлий снова уходит от ответа, и вряд ли он получит его сегодня.

— От цыган вы отказались, — Юлий усмехнулся, — оно и логично, что с них брать.

А еще князя раздражало это «вы». Оно звучало чужеродно и искусственно.

— Как я понял, вы хотели бы союз с кем-то, кто имеет подобные взгляды и принципы, — продолжал Юлий. — Есть такие. Я не совсем уверен, что будет легко, но они точно придутся вам по вкусу. Не убивают людей направо и налево, ведут грамотный бизнес, имеют семейные ценности, а главное — огромный авторитет, который наследуется по крови.

Он улыбнулся и добавил:

— Ну и открытый конфликт с Византией.

Князь сразу сложил пазлы:

— Королевство Италии?

— Именно.

— Но они же раздроблены, — нахмурился Владимир. — Вечно там делят трон.

— Вы правы. Но именно они все и объединяют. Иначе их бы давно растащили по кускам. Единственный минус — духовная власть у них выше светской.

Князь цокнул языком.

— Но может, это и на руку, — сказал Юлий, пожимая плечами.

— И как это проверить?

Юлий помрачнел.

— Я знаком... с главенствующей семьей. Но скорее всего придется *нам* их навестить, на свой страх и риск.

— Расскажешь? — спросил князь, догадываясь, что за его «знаком» скрывается гораздо больше.

— Может быть, — уклончиво ответил Юлий и поднялся. — Вы пока подумайте об этом. И как только — я займусь вопросом.

Князь не хотел его отпускать. Он видел, как нить между ними снова теряется, как Юлий закрывается, прячась за напускной вуалью.

— Юл... — начал было он.

Но тот не дал ему договорить, даже в глаза больше не посмотрел ни разу.

— Тем более сейчас нам есть чем заняться, — сказал он, замедлившись у двери, с сжатой папкой в руке. — Я... буду у себя.

Дверь закрылась, оставив князя наедине с огромной свалкой невысказанных слов.

Вскоре машина подъехала к главным воротам. Добрыня опустил стекло, высунулся на секунду, и створки почти сразу поехали в стороны, открывая проезд. Пока они

проезжали мимо ангаров, старых и новых складов, Алеша силился не смотреть в окна, опустив голову. Его нога заходилась в нервной тряске сильнее, стоило боковым зрением заметить снующих по территории ребят.

Когда машина остановилась, богатырь будто очнулся и вскинул голову. Добрыня заглушил двигатель, вздохнул и повернулся к брату.

— Ну вот, — сказал он, и уголки его губ дрогнули. — Наконец-то ты дома.

Алеша нервно фыркнул. Провел рукой по мятой и пыльной рубахе и наконец осмотрелся. Они вышли из машины одновременно. Алеша хлопнул дверцей, прищурился от солнца, которое уже не слабо припекало и наткнулся на застывшие фигуры бойцов в отдалении, чьи взгляды были направлены на него. Один из караула был его бойцом.

Не глядя на брата, он сухо спросил:

— Я могу дожждаться Глеба?

Добрыня проследил за его взглядом. Его лицо стало серьезным, без намека на улыбку.

— Лучше не стоит, — машина, издав характерный щелчок, закрылась. — Так правда нужно, ты же понимаешь?

Алеша кивнул, сжал челюсть, но возражать не стал. Вместо этого, он отвел взгляд, и шагнул вперед. Добрыня последовал за ним. Но на подходе к админ-зданию его окликнули, отчего сердце внутри сделало подъем с переворотом. Оба брата обернулись.

— Командир! — один из ребят уверенно шагал в их сторону, периодически переходя на бег.

Добрыня вышел вперед и ткнув пальцем в сторону бойца, припечатал того на месте громким басом:

— Стой где стоишь, Богдан! На плаху захотел? — убедившись, что парень понял его слова, он раздраженно развернулся и бодро зашагал в сторону входа. — Бардак! Ты идешь?

Алеша так и стоял, смотря на брата с тенью мольбы и надежды. Того и гляди расплачется. Добрыня глубоко вздохнул и, прикрыв глаза, упер руки в бок.

— Вот, я, сука, так и знал, — пробубнил он себе под нос.

Открыв глаза, он осмотрел Алешу с ног до головы. Как тот переминался с ноги на ногу, как дергался его кадык, когда тот нервно сглатывал, как он теребил торчащую из повязки на плече нитку. Из груди вырвался стон поражения и он всплеснул руками.

— Вашу, блять, бабушку! У тебя минута.

— Понял, — парень тут же отозвался, стараясь звучать суше, но щеки предательски сводило от рвущейся улыбки.

Он развернулся на одной ноге и двинулся в сторону Богдана. Тот потупил сначала, а потом уверенно зашагал на встречу, но, поравнявшись, слегка стушевался. Напрягся всем телом, расправляя плечи, и взглянул уже серьезнее.

— Командир, — сказал он, коротко кивнув, как того требовала субординация. — С возвращением.

Алеша протянул ему руку. Богдан, немного расслабившись, пожал ее, но Алеша тут же притянул его к себе для легких объятий, хлопнув по спине.

— Как вы тут? — спросил он, отстраняясь, но все еще держа руку на плече бойца.

Богдан чуть виновато опустил взгляд.

— Да как... — он помялся. — Мы все искали вас, командир. И ведь приказ был — задержать и доставить на порог боссу, но мы... — он поднял глаза. — Мы же знаем, что вы не могли. И Глеб тем более. — Богдан наклонился и перешел на шепот. — Подробностей никто толком не знает, но ходят слухи, что вы проникли в хранилище и украли княжеское золото.

Алеша громко расхохотался.

— Разберемся. А пока без самостоятельности. Идет?

— Так точно, — Богдан кивнул. — Мы просто рады, что вы вернулись. Парни уже ждут, когда снова будут под вашим началом.

Алеша чуть усмехнулся и спросил:

— А кто вместо меня отдавал приказы?

— Добрыня Никитич, — Богдан кивнул в сторону, где Добрыня стоял и недовольно косился на них. — Он нас к себе взял, пока вас нет. За мохнатыми *мы* тоже следили. — закончил парень гордо вскинув голову.

— Вот его и слушайте, — сказал Алеша, снова положив руку на плечо Богдану и слегка сжав. — И не создавайте себе проблем, ладно?

— Ладно, — Богдан улыбнулся. — Рады, что вы дома, командир.

Дома.

— Спасибо, — тихо ответил Алеша. — Ступай.

Богдан резво кивнул, развернулся и пошел обратно к другим бойцам, которые явно ждали подробный рассказ. Алеша посмотрел ему вслед и почувствовал, как земля под ногами становится тверже. Страх, который сидел в нем все эти дни, стал звучать тише. Он повернулся к Добрыне. Тот стоял на крыльце, скрестив руки на груди, и качал головой, глядя на лучезарную морду младшего брата.

— Налобызались? — крикнул ему Добрыня и зашел внутрь, жестом приглашая следовать за собой.

Алеша усмехнулся. Вот он дурак, конечно. Ведь у него было так много: его семья, его люди, а он решил, что справится в одиночку. Повелся как неуравновешенный мальчишка на провокации этой азиатской принцессы. Осталось только рассказать все князю как есть и надеяться, что тот тоже все еще верит ему.

Киноварь — красный ртутный минерал. В древности его называли «драконовой кровью»: растертый в пыль и смешанный с яйцом порошок давал стойкую краску для икон и книг.

[Оглавление](#)